

Апрѣля 21.

Д Е Н Ы

1862 года.

Подписка принимается:

въ Москвѣ въ конторѣ редакціи на Спиридоновкѣ
въ домѣ Вечеслова; въ С.-Петербургѣ въ книжномъ
магазинѣ Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, и
у всѣхъ книгопродавцевъ и въ Газетныхъ Экспе-
диціяхъ обѣихъ столицъ.

№ 28.

Выходитъ еженедѣльно.

Цѣна въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, 5 руб.
50 к., въ С.-Петербургѣ 6 р., съ доставкой на домъ
въ Москвѣ и С.-Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ
города 7 руб.

Шешковскимъ, княземъ А. А. Вяземскимъ и Императрицею Екатериною III..

Впрочемъ мы надѣмся со временемъ представить читателямъ особую статью о свободѣ совѣсти и объ отношеніяхъ государства къ церкви въ Россіи, а теперь ограничиваемся сообщеніемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ матеріаловъ...

Вл. Ламанскій.

ОЗЕРО ВАЛЕНЪ.

(Изъ сборника стихотвореній, подъ названіемъ „Фантазмоторія“).

День весенній всходитъ ало,
Съ глади озера сбѣжала
Тѣнь прибережныхъ высотъ;
И надъ каждой мглой угрюмой,
И надъ каждой тяжелой думой,
Лучь небесный верхъ беретъ.

Даль раскинулась предъ нами:
Надъ зелеными горами
Блещутъ снѣжныхъ горъ хребты;
Полонъ весь просторъ окрестный—
Торжествующей, чудесной,
Ненаглядной красоты!

Сентисъ сбросилъ съ плечъ туманы,
И вънокъ надѣлъ румяный
Онъ на бѣлую главу;
Надъ равниной водъ сіяя,
Смотритъ ясно небо Мая
Синевою въ синеву.

Сыплятся кругомъ богато
Искры яхонта и злата
Изъ лазуревой струи:
Тѣшится ль русалокъ стая,
Вверхъ на перерывъ бросая
Ожерелія свои?..

Каролина Павлова.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ИЗЪ ЗАУРАЛЬСКОЙ СТЕПИ.

(Письма къ редактору „Дня“)

Смѣю думать, что въ такое время, когда все въ Россіи стремится къ самосознанію, безпристрастное изложеніе домашнихъ обстоятельствъ одного изъ отдаленныхъ краевъ Имперіи, представляющагося огромному большинству образованныхъ людей въ весьма и весьма невѣрномъ свѣтѣ, не будетъ отвергнуто редакціею „Дня“, который поставилъ себя задачею служить органомъ дѣйствительныхъ, а не призрачныхъ, Русскихъ интересовъ.

Въ этой надеждѣ и принимаюся я за перо, чтобы высказать о родинѣ моей — Киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства — что давно уже накопилось у меня въ душѣ, и просится наружу. До

сихъ поръ о Киргизахъ, худо-ли, хорошо-ли, подавали голосъ въ литературѣ одни Европейцы. Взгляды на тотъ же предметъ Азіятца, который самъ принадлежитъ къ Киргизскому народу, долженъ, кажется, возбудить нѣкоторый интересъ, если не по внутреннему своему достоинству, то хотя по новости дѣла. Киргизъ, т. е., по общепринятымъ понятіямъ полудикарь, отдѣляющийся умственно отъ своего народа и рассматривающій этотъ народъ какъ нѣчто ему, наблюдателю, постороннее; полудикарь, выражающій, притомъ, мысли свои по Русски съ тѣми же пріемами, какъ и всѣ образованные люди на Руси, — это, во всякомъ случаѣ, явленіе не совсѣмъ обыкновенное.

Сѣвероамериканскіе сепаратисты, если бы до нихъ дошелъ слухъ объ этомъ, будутъ утверждать даже, что явленіе такого рода совершенно невозможно. «Развѣ чернокожіе и краснокожіе такія же дѣти праотца-Адама, какъ рыжеволосые и бѣлотѣлые Саксонцы? Развѣ для первыхъ можетъ быть доступна такая же степень умственного и нравственнаго развитія, какъ для послѣднихъ? Ясно, что султанъ Мендали Пираліевъ не существуетъ и никогда не могъ существовать, что это просто новая выдумка коварныхъ аболиціонистовъ, которые, извѣстно, на всякую пакость готовы. Вѣдь этотъ султанъ, хотя не чернокожіи и не краснокожіи, принадлежитъ все-таки къ породѣ желтокожихъ: гдѣ-же ему смотрѣть на вещи и рассуждать подобно намъ, привилегированнымъ сынамъ Кавказской расы, природнымъ аристократамъ земнаго шара!» «Да и то примите въ соображеніе,» скажутъ сепаратисты: «этотъ человѣкъ — если только позволительно называть его человѣкомъ — живетъ зиму и лѣто въ войлочной кибиткѣ, а не въ уютномъ домѣ; сидитъ на полу поджавши ноги калачомъ, а не развалившись въ покойномъ креслѣ и уткнувъ носки въ потолокъ; грѣется тизякомъ вонючимъ, а не вонючимъ каменнымъ углемъ; упивается кумысомъ, а не портеромъ; ѣдетъ куда надо верхомъ, и случится рѣка на пути, перебирается черезъ нее вбродъ и вплавь, а не путешествуетъ въ каретѣ по желѣзнымъ дорогамъ съ висячими чугунными мостами: такъ возможно-ли для него мыслить и чувствовать одинаково съ человѣкомъ, пользующимся всякого рода комфортомъ? Комфортъ-то, джентльмены, и есть то самое, что даетъ человѣку возможность понимать истину, добро и красоту; безъ комфорта нѣтъ ни развитія, ни прогресса!»

Оно точно, существованіе мое далеко не комфортабельно, образомъ жизни я почти нисколько не отличаюсь отъ прочихъ Киргизовъ; тѣмъ не менѣе, каюсъ въ самонадѣянности, не сознаю я себя глупѣе или безнравственнѣе ни Американскаго проповѣдника, ни Британскаго лорда, ни Французскаго буржуа, ни Русскаго чиновника. Не всѣмъ племенамъ человѣческаго рода суждена одинаковая участь, не всѣ они одновременно выходятъ на поприще исторической дѣятельности, но отдѣльные лица изъ низкостепенныхъ, до времени, расъ мо-

гутъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, достигать точно такого же духовнаго развитія, какъ и члены породы, въ данный періодъ исторіи челоѣчества, пользующихся привилегіею высокостепенства. Эту истину подтверждаетъ существованіе множества замѣчательныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ «варварскимъ» расамъ, начиная съ полубаснословнаго Скиѳа Анахарсиса въ періодъ Греческаго первенствованія, до умершаго недавно Дорджи Банзарова, до Каламбія Уцміева, печатающагося въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и до собрата моего султана Чокана Валиханова — въ настоящей періодъ Германско-романскаго господства.

Я былъ такъ счастливъ, что благоприятныя обстоятельства, о которыхъ говорю, выпали и на мою долю. Первые годы дѣтства провелъ я, правда, не лучше другихъ Киргизятъ. Съ полуобритою головою и раскрытымъ пузомъ, въ дырявомъ халатикѣ, безъ рубашки, бѣгалъ я лѣтомъ куда глаза глядятъ, а зимою валялся въ золѣ около дымаго огня посреди кибитки. Разъ даже, помню, когда было мнѣ года три, я чуть не захлебнулся, переправляясь, при перекочевкѣ съ лѣваго берега Сыръ-Дарьи, въ турсукѣ, привязанномъ къ хвосту пущенной вплавь лошади. Но за тѣмъ настала другая жизнь. Главное начальство Киргизовъ Оренбургской Степи пригласило почетныхъ ордынцевъ отдавать дѣтей своихъ на воспитаніе въ Неплюевскій кадетскій корпусъ. Почетнымъ ордынцамъ это, разумѣется, пришлось вовсе не по сердцу. Что такое «кадетскій корпусъ» — понимали въ Степи очень немногіе. Побѣжала молва, что Русскіе требуютъ Киргизскихъ дѣтей, чтобы окрестить ихъ и потомъ отдать въ солдаты. Всѣ отъ души этому повѣрили, и никто не хотѣлъ отпустить добровольно ребенка своего «въ плѣнъ» къ Русскимъ. Но власти степныя, вполнѣ раздѣлая убѣжденіе, что корпусъ есть нѣчто въ родѣ острога для дѣтей, гдѣ будутъ ихъ всячески мучить и тиранить, стремились, однакоже, какъ и всякія власти, выслужиться передъ начальствомъ, въ чаяніи, «за усердіе свое и преданность правительству», украситься золотыми медалями, кафтанами съ галуномъ, саблями въ серебряной оправѣ и другими заманчивыми для тщеславія ихъ отличіями. Вотъ и начали они у тѣхъ, кто былъ побѣднѣе да помирнѣе изъ «почетныхъ», отымать дѣтей почти силою. Отецъ мой, хотя и султанъ, т. е. потомокъ прежнихъ хановъ Киргизскихъ, ведущихъ генеалогію свою отъ Чингизъ-хана, едва перебывался въ то время, ибо, зимую на Сырѣ около Акмечети, подвергался безпрестанно поборамъ отъ Коканцевъ, тогда тамъ властвовавшихъ. На этомъ основаніи ему и выпала горькая чаша отдать единственнаго сына въ «плѣнъ». Нечего было дѣлать: станешь поперечить властямъ, пожалѣешь ребенка, такъ и самого въ барачій рогъ согнуть, притянуть къ какому-нибудь слѣдствію, да и упекуть въ Сибирь. Не байгутъ какой былъ Арунгазы Абулгазыевъ, половина Степи дрожала при его имени, а и его, за то, что не

потакаль ворамъ и мошенникамъ, успѣли спровадить интригами на житье въ Калугу. Примѣръ этотъ былъ у всѣхъ на памяти, и отецъ съ матерью поплакали, поплакали, да и отвезли меня къ своему Султану-Правителю, откуда цѣлый транспортъ насъ, ребятишекъ, отправили въ Оренбургъ.

Не стану рассказывать о своемъ житвѣ-бытвѣ въ корпусѣ. Объ этомъ когда-нибудь послѣ, вмѣстѣ съ замѣтками о воспитаніи Азіатцевъ въ Русскихъ учебныхъ заведеніяхъ — предметъ не затронутъ еще ни однимъ педагогомъ. Для теперешней цѣли моей, достаточно будетъ читателю знать, что я и товарищи мои, прочіе Киргизята, обрусѣли довольно скоро, и, учившись, за неважными исключениями, тому же, чему учили и Русскихъ воспитанниковъ корпуса, оставили заведеніе съ такими свѣдѣніями, съ такимъ же развитіемъ ума и сердца, какъ и Русскіе наши товарищи. Конечно, не всѣ изъ насъ успѣвали одинаково: кто лѣнился, кому природа отказала въ способностяхъ. Еще болѣе различія явилось черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ корпуса. Весьма немногіе воспользовались пріобрѣтенною возможностью обогащать первоначальныя познанія свои чтеніемъ, укрѣплять умъ размышленіемъ и наблюденіемъ. Иные, увлекаясь примѣромъ сосѣдняго козачества, взяли изъ Русской цивилизаціи только вино да карты; большинство же, возвратясь въ Степь, въ общество необразованныхъ единоплеменниковъ, одичало вновь, и, подъ вліяніемъ родственныхъ внушеній и примѣровъ, подѣлалось такими же, какъ отцы и дядья, лихоимцами и притѣснителями бѣдныхъ сородичей. Говорю какъ о своемъ выпускѣ, такъ и о послѣдовавшихъ. Читатель можетъ видѣть теперь, что я не выставлю себя какимъ-то феноменомъ, и понятно будетъ для него, какимъ образомъ изъ полудикаго кочевника могъ выдти человекъ умственно и нравственно развитый. Такихъ, какъ я, есть нѣсколько въ нашей Оренбургской Степи; есть и въ Сибирской, изъ воспитанниковъ Омскаго кадетскаго корпуса. Я, вотъ, рѣшаюсь писать по Русски только презрѣнною прозою, а изъ товарищей моихъ есть одинъ весьма недурно владеющій даже Русскимъ стихомъ. Умалчиваю объ имени его, чтобы не заставить краснѣть скромнаго поэта: въ Степи, на оборотъ видимому въ городской жизни, поэты скромны. Наконецъ, для большаго внушенія читателю довѣренности въ существованіе «образованной» особы моей, я долженъ еще сообщить ему, что, по торговымъ дѣламъ, былъ въ Бухарѣ, и, въ свѣтѣ правителя нашей части Степи, имѣлъ случай провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Сильныя дарованія при неменѣе сильной волѣ могутъ, впрочемъ, выдвинуть кочеваго Монгола или Киргиза изъ его обычной сферы и поравнять умственно съ образованнымъ Европейцемъ даже помимо тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, которыми обязаны образованіемъ я, товарищи мои по корпусамъ, и воспитывавшійся въ Казанскомъ

университетѣ Дорджи Банзаровъ. Блистательный примѣръ тому видѣли мы, не очень давно, въ покойномъ правителѣ Восточной части Степи, полковникѣ Ахмедѣ Джантюринѣ. Этотъ похвальной памяти султанъ нашелъ средства выучиться по Русски не выѣзжая изъ Степи, и зналъ Русскій языкъ въ такой степени, что совершенно свободно читалъ и понималъ «Отечественныя Записки» и другіе журналы, которые постоянно выписывалъ. Въ Петербургѣ живы еще многіе, могущіе свидѣтельствовать о томъ изумленіи, въ какое приводилъ онъ столичныхъ ученыхъ глубиною и проницательностію своихъ сужденій и замѣчаній о явленіяхъ Европейской жизни и предметахъ науки.

Все сказанное доселѣ относится, болѣе или менѣе, лично ко мнѣ. Тѣмъ не менѣе изъ этихъ личныхъ объясненій открывается для читателей фактъ, быть можетъ вовсе для нихъ неожиданный. Открывается, что, на подобіе блаженной памяти «юной Франціи», «юной Германіи» и т. д., существуетъ также, можно сказать, и «юная Киргизія», довольно-рѣзко отличающаяся отъ той старой Киргизіи, которая одна только и была до сихъ поръ описываема. Открывается — чего, быть можетъ, иные вовсе не подозревали, — что въ самой Степи есть люди, которые, если и не высказывались до сихъ поръ, могутъ однакоже обо всемъ совершающемся и предпринимаемомъ въ ней

Свое сужденіе имѣть;

сужденіе, основанное не на дикихъ предразсудкахъ и допотопныхъ взглядахъ на вещи, какими пробавляется масса ордынцевъ, а на знаніи дѣйствительнаго быта, нравовъ, обычаевъ и потребностей родной Степи — съ одной стороны, и на нѣкоторомъ знакомствѣ съ исторіею и настоящимъ положеніемъ цивилизованныхъ странъ — съ другой. Впрочемъ, быть можетъ, я и увлекаюсь нѣсколько, приписывая «юной Киргизіи», какъ общее качество, способность къ зрѣлой критикѣ, до которой она еще не доросла.

Такъ или иначе, только что до меня кажется, я обязанный Русской землѣ, тѣмъ; что изъ полудикаря сдѣлался человекомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, я люблю Россію со страстію непонятною роднымъ сынамъ ея, и горю желаніемъ уплатить ей хотя часть неоплатнаго моего долга. Теперь, когда само правительство вызываетъ на откровенную рѣчь о многомъ, что покрывалось прежде уважительнымъ молчаніемъ, я думаю, что ничѣмъ лучше не могу осуществить этого желанія, какъ сообщеніемъ гласности тѣмъ безпристрастнымъ наблюденіямъ моимъ надъ прошлымъ и настоящимъ положеніемъ роднаго мнѣ края, которыхъ довольно-таки набралось у меня съ теченіемъ времени. Наблюденія эти во многомъ противорѣчатъ господствовавшимъ и господствующимъ въ администраціи понятіямъ о Степи; но потому то именно и считаю я полезнымъ дать имъ гласность. Азія вообще такъ не похожа на Европу, и въ особенности кочевой и родовой бытъ

первой такъ мало извѣстенъ послѣдней, что, приходя въ соприкосновеніе съ этимъ бытомъ, Европейцамъ, при самой доброй волѣ, весьма естественно ошибаться, смотрѣть на явленія Азіатской жизни съ ложной точки зрѣнія, и, мѣряя ихъ своимъ аршиномъ, вредить нерѣдко и своимъ интересамъ, и благу тѣхъ Азіатцевъ, которымъ они душевно желали бы принести пользу. «Не спросяся броду, не суйся въ воду», говоритъ умная Русская пословица, а на дѣлѣ мы видимъ весьма часто, что за управленіе Азіатцами берутся люди не имѣющіе о нихъ никакого понятія, нисколько не приготовленные къ такой дѣятельности: мудрено ли, что послѣдствія выходятъ совсѣмъ не тѣ, какихъ ожидали, что одна ошибка погоняетъ другую. Кто этому виноватъ? Виновато отсутствіе специальныхъ познаній, специальной опытности, которыя необходимы въ каждомъ дѣлѣ, отъ ухода за верблюдами до управленія народами. Какъ природный Азіатецъ и кочевникъ, я многое въ быту Степи могу видѣть яснѣе, многое объясняю себѣ иначе, чѣмъ видѣли и объясняли имѣвшіе съ нею дѣло Русскіе чиновники. Да послужить же особенностью моего положенія въ этомъ отношеніи на нераздѣльную пользу единоплеменниковъ моихъ и принявшей ихъ подъ крыло свое Россіи!

Въ слѣдующемъ письмѣ буду я говорить о положеніи Киргизскаго народа во время присоединенія его къ Россіи, и о причинахъ этого событія. Теперь же, въ заключеніе настоящаго письма, нахожу не лишнимъ отвѣтить на одинъ вопросъ, который можетъ возникнуть въ головахъ многихъ изъ моихъ читателей. «Если вы, любезный султанъ, — пожалуй спросятъ они, — считаете себя за человека могущаго принести пользу и правительству, и единоплеменникамъ своимъ, зачѣмъ не ищите вы службы по степному управленію, чтобы знанія ваши и добрую волю приложить къ дѣлу непосредственно? Дорожа въ васъ просвѣщеннымъ пониманіемъ благотворныхъ для Степи стремленій правительства, начальство безъ сомнѣнія радо было бы имѣть въ васъ свое орудіе.» На этотъ запросъ честь имѣю объяснить, говоря канцелярскимъ языкомъ, что я-бы нисколько не прочь отъ официальной дѣятельности относительно Степи, и совершенно увѣренъ, что начальство не отказало бы мнѣ въ приѣмѣ на службу, если бы я просилъ этого. Но — «съ волками жить, по волчьему выть», иначе, не смотря на всю благонамѣренность главнаго начальства, оно не въ состояніи будетъ защищать васъ отъ козней и придиорокъ волковъ, и волки загрызутъ чужака такъ или иначе, прежде чѣмъ онъ успѣетъ принести какую-либо пользу. Степное же управленіе до такой степени преисполнено волками, что идти въ эту компанію значило бы добровольно и даромъ отдавать себя на съѣденіе. Да и самый народъ въ Степи такъ еще привыченъ къ прежнему порядку вещей, что будетъ почти ненавидѣть человека, который не станетъ, за взятки, покрывать всякихъ мошенничествъ и преступленій. Какъ

частнаго чело́вѣка, живущаго противно общепринятымъ понятіямъ, васъ еще будутъ терпѣть съ грѣхомъ по поламъ; но попробуйте официальнымъ образомъ пойти на перекоръ интересамъ и образу мыслей большинства—не говорю уже начальниковъ— а товарищей вашихъ и подчиненныхъ, и вы кончите какъ нельзя плачевнѣе. Нѣтъ, не пришло еще время честному и прямому чело́вѣку служить безопасно, не дѣлая уступокъ своимъ убѣжденіямъ, не входя въ сдѣлки съ своею совѣстію, не стараясь казаться дуракомъ тамъ, гдѣ другіе, отъ кого онъ зависитъ, хотятъ быть умнѣе его. Настанетъ это время тогда лишь, когда просвѣщенное общественное мнѣніе въ состояніи будетъ на дѣлѣ отстаивать несправедливо гонимаго; а сколько вѣковъ нужно, чтобы Степь дошла до возможности имѣть такое мнѣніе!

Султанъ Мендали Пираліевъ.

15 Марта 1862 г.

Урочище Джиланды-Куль.

ИЗЪ ОД—СКОЙ ВОЛОСТИ

(Харьковскаго уѣзда).

ПИСЬМО II.

Высочайше утвержденное Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, было получено въ нашей губерніи въ первыхъ числахъ Марта мѣсяца прошлаго года, немногимъ позднѣе Манифеста. Открытіе же сельскихъ обществъ и волостей, въ Харьковскомъ уѣздѣ по крайней мѣрѣ, послѣдовало въ теченіи Іюня мѣсяца. Къ этому-то слишкомъ трехтысячному промежутку времени, между объявленіемъ крестьянамъ личной свободы и организацией сельскаго самоуправленія, относится большая часть недоразумѣній всякаго рода, отъ малыхъ до великихъ, отъ серьезныхъ до комическихкихъ, а также и большая часть обвиненій крестьянъ въ неблагодарности, безпризнательности, забвеніи прошлыхъ благодѣяній и тому подобныхъ непохвальныхъ качествахъ. Объ этихъ-то обвиненіяхъ, такъ какъ выслушивать ихъ приходится довольно часто, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Одинъ помѣщикъ, жалуюсь на *неблагодарность* своихъ крестьянъ, въ заключеніе добавилъ: «Ну, да теперь, слава Богу, нечего намъ съ ними возиться; а то прійдутъ бывало съ жалобами, хлопочи, разбирай ихъ. Надоѣдаютъ такъ, что побѣшь и того и другаго, да и выгонишь въ шею.» Положимъ, что не всѣ *благодѣянія* и *попеченія* были такого свойства, да вѣдь и не отовсюду же раздаются возгласы о неблагодарности. Вообще о благодѣяніяхъ помѣщиковъ крестьянамъ (конечно я говорю не о всѣхъ помѣщикахъ поголовно, а только о большей части вопіющихъ о безчувственности крестьянъ) можно сказать: темна вода во облацѣхъ небесныхъ. Не говоря уже, что часто побужденіями къ благодѣяніямъ могли быть силлогизмы въ родѣ того, что: что твое—то мое, потому что ты и самъ мой,—у насъ, какъ замѣчаетъ г-жа Коханов-

ская, «недостатка въ барской добротѣ нѣтъ и барскаго добродушія вдоволь. Но въ томъ-то и дѣло, что все это барское является или, вѣрнѣе сказать, являлось прихотью, задерживалось барскою небрежностью и когда-когда оказывалось оно живымъ биеніемъ просто чело́вѣческаго, Русскаго сердца.»

Не даромъ же говорится, что сердце сердцу вѣсть подаетъ, и въ этомъ отношеніи цѣльная, безыскусственная природа крестьянъ особенно чувствительна. Крестьянинъ такъ высоко цѣнитъ истинно доброе *слово* (не говоря уже *дѣло*), что часто даже изъ-за него готовъ помириться съ матеріальной потерей, тяжело отзывающеюся въ его трудовой жизни. Вотъ примѣръ: одинъ помѣщикъ, очень добрый чело́вѣкъ, но имѣвшій слабость, общую многимъ, затѣвать аферы, превосходящія его денежные средства, имѣлъ нѣсколько заводовъ и фабрикъ, на которыхъ работали крестьяне окружающихъ деревень, какъ вольные, такъ и помѣщичьи. Расплата съ ними была самая неаккуратная, многіе, можетъ быть, даже и совсѣмъ не получили заработанныхъ ими денегъ, а между тѣмъ крестьяне никогда не *поминали лихо* помѣщика и пожалѣли, когда предпріятія его лопнули. «Добрый былъ панъ,» не разъ случалось мнѣ самому отъ нихъ слышать, «хотя и часто денегъ не доплачивалъ, а всегда бывало и встрѣтить и проводить добрымъ словомъ. Нехай ему легенько сдается.» Меня всегда поражало неистощимое добродушіе, съ которымъ крестьяне вспоминаютъ о прошлыхъ крѣпостныхъ бѣдахъ и наивная благодарность ихъ за всякій пустякъ. Одна женщина, рассказывая мнѣ какъ бывало онѣ прежде и двухъ мѣсяцевъ въ году не поживутъ въ своей хатѣ—весною пошлютъ (изъ Харьковскаго уѣзда) на Днѣпръ полоть пшеницу и громадить сѣно, осенью и зимой—на фабрикахъ и заводахъ,—тутъ же прибавила: «всякое бывало, а добрый былъ панъ; пришелъ разъ осенью къ колодцу, видитъ вокругъ него такіа лужи, что и подступить нельзя, и тутъ же приказалъ обмостить вокругъ колодца досками—не можно значить жинкамъ по воду ходить; сказано—добрый чело́вѣкъ.»

Но кромѣ словесной благодарности, крестьяне, даже за самую незначительную услугу, всегда стараются отблагодарить чѣмъ нибудь вещественнымъ: курицей, молокомъ, яйцами и т. п., по мѣрѣ средствъ и возможности. Не принять эти скромныя даянія съ тѣмъ полнымъ радушіемъ, съ которымъ они приносятся или предложить за нихъ плату, значить обидѣть крестьянина, выказать презрѣніе къ нему, оттолкнуть его отъ себя. Въ этихъ привошеніяхъ нельзя не видѣть нравственной потребности, чувства чело́вѣческой личности, не желающей быть въ неоплатномъ нравственномъ долгу. Кромѣ того должно еще сказать, что крестьянинъ признателенъ только за *дѣйствительныя* услуги, за удовлетвореніе *дѣйствительныхъ* нуждъ ихъ, а благодѣянія навязанные имъ, стоящіа иногда даже очень дорого, вызываютъ съ ихъ стороны только недоумѣніе. Крестьянинъ несравненно болѣе будетъ благо-

даренъ вамъ за стаканъ молока, данный больному ребенку, чѣмъ за самую великолѣпную больницю. Въ первомъ случаѣ видятъ онъ побужденіе просто чело́вѣческаго, добраго сердца, во второмъ—барскую прихоть и шалость.

Неужели послѣ всего этого упрекать крестьянъ въ безчувственности, основываясь на выходѣ ихъ часомъ позже на барщину, на томъ, что они работаютъ не такъ какъ прежде и не хватаются, очертя голову, за придуманныя по разнымъ теоріямъ сдѣлки и предложенія, и все это черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по объявленіи имъ воли?

Можетъ быть упрекнуть меня въ идилическомъ возрѣніи на крестьянъ? На это я отвѣчу, что *грубости* и *невѣжественности* въ нихъ много, *испорченности* гораздо менѣе, чѣмъ можно было бы предполагать въ бывшихъ крѣпостныхъ, *порочности* же совсѣмъ нѣтъ,—а этимъ едва ли могутъ похвалиться многія образованныя сословія. Прибавлю еще, что говорю не о дворовыхъ; на этихъ несчастныхъ людяхъ сліяла изнанка прежней помѣщичьей жизни: тутъ не разберешь, что Божіе, а что Кесарево!

Въ доказательство неблагодарности крестьянъ обыкновенно говорятъ, что въ имѣніяхъ, гдѣ имъ жилось лучше, было сравнительно больше недоразумѣній, чѣмъ тамъ, гдѣ имъ жилось хуже. Фактъ этотъ отчасти справедливъ, но не должно забывать, что въ этомъ случаѣ *качество* недоразумѣній важнѣе *количества*, а потому и численное большинство ничего еще не доказываетъ.

Дѣйствительно были примѣры, что въ двухъ смежныхъ имѣніяхъ недоразумѣнія случались чаще тамъ, гдѣ къ крестьянамъ были прежде менѣе требовательны. Но вѣдь столько же, если не болѣе еще, можно привести и обратныхъ примѣровъ, въ которыхъ сверхъ того и недоразумѣнія будутъ посерьезнѣе. Да и кромѣ того, это объясняется весьма естественно тѣмъ, что крестьяне, къ которымъ владѣльцы бывали прежде повзыскательнѣе, послѣ Манифеста тотчасъ же почувствовали значительное облегченіе, которымъ и удовлетворились на первое время; крестьяне же, привыкшіе къ болѣе мягкимъ отношеніямъ, увидѣли только *усложненіе* ихъ. Вообще же должно сказать, что недоразумѣній и столкновеній между помѣщиками и крестьянами было несравненно менѣе, чѣмъ предполагалось заранѣе, еще до обнародованія Манифеста: извѣстно уже, какъ жестоко ошиблись предвѣщавшіе откупу неслыханные барыши. Еще нужно замѣтить, что безпорядки случались чаще тамъ, гдѣ самихъ владѣльцевъ не было на лицѣ и мѣсто ихъ занимали управляющіе и прикащики. Эти господа, съ вѣчнымъ девизомъ своимъ «не смѣй грубить», обладаютъ особенною способностью изъ мухи дѣлать слона, изъ искры раздуть пожаръ.

Недоразумѣнія, какъ я уже выше сказалъ, были большія и малыя, серьезныя и комическія. Большихъ и серьезныхъ недоразумѣній къ счастью было весьма не много,—мнѣніе свое о нихъ высказалъ я въ прошломъ письмѣ. Малыя заключались въ грубо-

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОКТЯБРЬ.

1861.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.)

ЧАСТЬ СХІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЮСАФАТА ОГРИЗКО.
1861.

САМОУЧИТЕЛЬ РУССКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ КИРГИЗОВЪ.

Казань, 1861 года.

Небольшая книжка эта представляет собою весьма замѣчательное явленіе: это первое появившееся доселѣ на свѣтъ произведеніе на чистомъ киргизскомъ нарѣчій, почему интересно не только по прямому своему назначенію, но и въ учено-филологическомъ отношеніи. Языкъ киргизскій, языкъ народа простирающагося числительностію до двухъ милліоновъ душъ, является въ семьѣ языковъ тюрескихъ самостоятельнымъ нарѣчіемъ, составляющимъ какъ-бы переходное звено между сѣвѣрною и южною ихъ отраслю. Нѣкоторая разница въ говорѣ замѣчается между разными отдѣлами этого народа, занимающаго кочевьями своими огромное пространство средней Азіи отъ Каспійскаго моря до Монгольскихъ степей, но вообще языкъ, которымъ говорятъ Киргизы, въ главныхъ характеристическихъ чертахъ своихъ, одинъ и тотъ же на всемъ этомъ протяженіи. Ученый міръ не имѣлъ доселѣ никакой возможности составить себѣ отчетливое о немъ понятіе. Учебники гг. Иванова и Кукляшева, въ которыхъ говорится объ отличительныхъ свойствахъ киргизскаго нарѣчія и представляются образчики его, могутъ скорѣе сбить съ толку, чѣмъ направить лингвиста на путь истинный: здѣсь киргизскій языкъ является отатареннымъ до такой степени, что становится непонятенъ для чистаго степнаго Киргиза, не приходившаго въ соприкосновеніе съ казанскою цивилизаціею. Не въ настоящемъ видѣ своемъ является киргизскій языкъ даже въ національной поэмѣ киргизской Кузы-Курпечь, потому-что въ извѣстныхъ спискахъ ея господствуетъ болѣе или менѣе таже татарская орфографія. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: списки дѣлались грамотными Киргизами, которые грамотѣ учились у Татаръ, и считали безграмотностію писать, согласно съ киргизскимъ произношеніемъ. Мало того: Киргизы, какъ извѣстно, состоятъ въ подданствѣ Россіи болѣе ста лѣтъ; съ тридцатыхъ го-
часть сѣл. отд. III.

довъ прошедшаго столѣтія пограничное начальство, Сибирское и Оренбургское, находилось въ непрерывныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ ихъ ханами и вліятельными біими и батырями, а съ двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣва, когда ханское достоинство между Киргизами было упразднено и подчинены они правильному управленію, хотя черезъ своихъ же однородцевъ, но по выбору и назначенію русскаго правительства, степныя власти стали ежедневно получать отъ русскихъ предписанія, отношенія, циркуляры и проч. И все это писалось по-татарски, тогда какъ начальство думало въ простотѣ души, что сносятся съ Киргизами на ихъ языкѣ. Причиной было то, что всѣ грамотные переводчики при пограничныхъ управленіяхъ опредѣлялись исключительно изъ Татаръ, которые, считая киргизское нарѣчіе за грубое, за мужицкое, не понимаютъ даже какъ можно писать на немъ «образованному» человѣку. Если Киргизы уразумѣвали что-либо изъ того, что писалось имъ, то только благодаря тому, что писемоводители при степныхъ властяхъ были тоже изъ Татаръ. Такое официальное употребленіе татарскаго языка вмѣсто киргизскаго продолжалось до послѣдняго времени (говоримъ собственно о Киргизахъ оренбургскихъ). Надо было случу соединить въ пограничномъ управленіи оренбургскомъ нѣсколькихъ ученыхъ ориенталистовъ, каковы гг. Григорьевъ, Ильминскій, Вобровниковъ, чтобы дѣло разъяснилось, и смѣшная сторона его, не замѣченная цѣлое столѣтіе, вышла наружу. Въ настоящее время при областномъ правленіи Оренбургскими киргизами есть переводчики изъ природныхъ Киргизовъ, получившихъ образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Имъ растолкована нелѣпость отатаренія киргизскаго языка, и въ официальной перепискѣ этотъ послѣдній вступилъ въ свои права.

Тому же направленію обязанъ существованіемъ и «Самоучитель русской грамоты для Киргизовъ», составленный въ Оренбургѣ и напечатанный въ Казани. Съ 1859 года, при степныхъ укрѣпленіяхъ въ области Оренбургскихъ Киргизовъ и на Сыръ-Дарьинской линіи Высочайше разрѣшено завести особыя школы для обученія киргизскихъ мальчиковъ мусульманской грамотѣ и русскому языку. Надлежало подумать о составленіи учебной книги, которая служила бы пособіемъ, при преподаваніи послѣдняго предмета, потому-что такого пособія не имѣлось. Г. Управляющій областію Оренбургскихъ Киргизовъ предложилъ восполнить этотъ недостатокъ г. Ильминскому, извѣстному ориенталисту, издателю дусага-

тайскаго текста «Записокъ Бабера», служившему при областномъ правленіи Оренбургскими киргизами «чиновникомъ для контроля въ стени», а нынѣ избранному Казанскимъ университетомъ въ экстраординарные профессора на кафедре тюркскихъ языковъ и нарѣчій. Г. Ильминскій взялся за дѣло, исполнилъ его, при помощи молодыхъ Киргизовъ, состоящихъ при областномъ правленіи, и вотъ трудъ его передъ нашими глазами.

Какъ уже сказали мы выше, «Самоучитель» составляетъ замѣчательное явленіе потому уже, что это первая книга на чисто-киргизскомъ языкѣ, первая книга, которую можетъ понять каждый Киргизъ. Спрашивается, въ какой-же мѣрѣ удовлетворяетъ педагогической цѣли своей эта книга, появленіе которой составить эпоху въ умственной жизни киргизскаго народа? По нашему мнѣнію задача, предложенная г. Ильминскому, выполнена имъ очень удовлетворительно. Онъ не держался ни какого извѣстнаго руководства, относительно системы изложенія предмета, но, знакомый съ лучшими трудами въ томъ родѣ, за который взялся, воспользовался ими съ искусствомъ отличнаго лингвиста. По «Самоучителю» его дѣйствительно можетъ выучиться русскому языку всякой понятливый Киргизъ, безъ помощи какого-либо наставника; тѣмъ болѣе можетъ съ успѣхомъ служить эта книга, при преподаваніи предмета дѣтямъ Киргизовъ, знающимъ уже по русски. Одно, что находимъ мы въ трудѣ г. Ильминскаго, не совсѣмъ по нашему вкусу — это выборъ отрывковъ на русскомъ языкѣ, съ переводомъ en regard на Киргизскій, помѣщенныхъ въ «Самоучитель» на стр. 80 — 128. Мы желали-бы видѣть между ними поменѣ посвященныхъ естественной исторіи, и поболѣе такихъ, которые-бы ближе соотвѣтствовали настоящимъ потребностямъ киргизскаго народа, напримѣръ статьи о пользѣ и водѣлываніи растений, которыя могутъ быть усвоены степи, и тому подобное. Но, на вкусъ товарища нѣтъ; инымъ быть можетъ понравится именно то, что мы считаемъ недостаткомъ. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, «Самоучитель» вполне удовлетворяетъ своему педагогическому назначенію. Чего-жъ болѣе? И такъ завершимъ нашъ отзывъ о книгѣ г. Ильминскаго искреннею и полною ему благодарностію отъ имени киргизскаго народа.

Султанъ Миндали Ширалиевъ.

Троицъ, 17-го сентября 1861 года.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Л Ъ.

1862.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.)

ЧАСТЬ СХV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЮСАФАТА ОГРИБКО.

1862.

3. Не видно у составителя отчетливаго представленія о родахъ словесныхъ произведеній. Онъ безпорядочно относится къ нимъ, оставивъ въ забытїи извѣстный педагогическій фактъ, что обучающееся юношество смотритъ на учебникъ какъ на авторитетъ.

4. Недостаетъ значительнаго числа образцовъ по русской, а преимущественно по иностранной словесности.

5. Примѣчанія крайне скудны и большею частію передаютъ разсказъ содержанія произведенія, а не разборъ его.

А. Филозовъ.

8-го іюня 1862 г.

Матеріалы къ изученію Киргизскаго нарѣчія. Н. И. Ильминскаго. Казань, 1861 г. 8°.

Киргизы — это не какіе нибудь Самоѣды, Остяки, Якуты, Тунгусы, Лезгинны, Осетинны, Чеченцы; — народъ въ нѣсколько десятковъ или даже сотенъ тысячъ душъ, какихъ видимо-невидимо толчется по разнымъ закоулкамъ Россіи. Численность Киргизовъ, въ предѣлахъ русскихъ, китайскихъ, кокандскихъ и бухарскихъ владѣній, должна, по всему вѣроятію, простираться до двухъ милліоновъ душъ, а площадь земель, занимаемыхъ ихъ кочевьями — до трехъ милліоновъ квад. верстъ. Между инородцами Россіи, Киргизы, по людности своей, занимаютъ первое мѣсто, населяя три отдѣльныя области (область Оренбургскихъ киргизовъ, область Сибирскихъ киргизовъ, и область Семипалатинскую), и, вмѣстѣ съ Татарами и Башкирами, составляютъ почти всю массу Тюркскаго племени въ имперіи. Имя Татаръ, конечно, извѣстнѣе русскимъ, нежели имя киргизовъ, но, по нравственнымъ и умственнымъ качествамъ своимъ, по своему, такъ сказать, духовному матеріалу. Киргизы заслуживаютъ вниманія образованной Россіи несравненно болѣе, нежели Татары. Татары — народъ отжившій свое время, выдохшійся, не общающій въ будущемъ ровно ничего; народъ закисшій въ своемъ магометанствѣ, далѣе его ничего не видящій, и потому враждебный русскому племени, никогда не могущій сродниться съ нимъ общностию интересовъ и стремленій. Киргизы, напротивъ, магометане по имени только, не зараженные ни махѣйшимъ фанатизмомъ, съ большею способностію и охотою къ умственному развитію, съ

духомъ практической предприимчивости, и богатые прекрасными нравственными началами — представляются почвою свѣжею и плодородною, которую русско-христіанская цивилизація, если только съумѣетъ взяться за это, можетъ легко воздѣлать великолѣпнѣйшими образомъ. Отношенія Россіи къ тѣмъ племенамъ Азіи, судьбы которыхъ связались съ ея судьбами, никогда еще не были предметомъ серьезной рѣчи въ русской литературѣ; тѣмъ, до кого это касается, пора бы подумать о дѣлѣ повнимательнѣе: время бѣжить и увозить съ собою возможность сдѣлать завтра то, что не далѣе какъ вчера было еще осуществимо.

Сто тридцать лѣтъ уже какъ Киргизы, призвавъ себя подданными императрицы Анны, управляютъ русскою властію, а до послѣднего времени не случилось въ русской администраціи ни одного чиновника, въ русскомъ обществѣ ни одного ученаго, которые бы ознакомились съ языкомъ этого народа, и проявили знаніе свое полезнымъ для него образомъ. Въ наукѣ, когда заходила рѣчь о киргизскомъ языкѣ, отдѣливались отъ него двумя, тремя замѣтками объ особенномъ произношеніи Киргизами нѣкоторыхъ буквъ общеузбекманской азбуки. Въ администраціи — даже и не подозревали, что у киргизовъ есть свой языкъ, коверкали на слово переводчикамъ изъ татаръ, что киргизы говорятъ совершенно по татарски, и всѣ бумаги къ киргизскимъ властямъ въ степь писали по татарски, въ полной увѣренности, что такъ тому и быть слѣдуетъ. Переворотъ въ этомъ отношеніи произошелъ лишь лѣтъ съ десять тому, въ послѣдній періодъ управленія Оренбургскимъ краемъ графа В. А. Перовскаго, который привезъ съ собою изъ С.-Петербурга двухъ ориенталистовъ: В. В. Григорьева и В. В. Вельяминова-Зернова. Г. Вельяминовъ-Зерновъ первый изъ европейскихъ ученыхъ занялся основательнымъ изученіемъ киргизскаго языка, и теперь, занявъ кресло въ Императорской академіи наукъ, готовитъ, какъ слышно, критически обработанное изданіе нѣкоторыхъ памятниковъ киргизской литературы, съ словаремъ къ нимъ. Г. Григорьевъ, сдѣлавшись управляющимъ областію Оренбургскихъ киргизовъ, первый изъ администраторовъ степи ввелъ въ ней киргизскій языкъ въ официальное употребленіе, и, сверхъ того, оказалъ ей другую важную услугу — далъ мѣсто по степному управленію Н. И. Ильминскому, бывшему передъ тѣмъ преподавателемъ татарскаго языка въ Казанской духовной академіи. Г. Ильминскій, пріѣхавъ въ Оренбургъ, тотчасъ же выучился тамъ по киргизски, и, познакомившись

съ киргизами, всю душою полюбилъ этотъ добрый народъ, все свое время посвящалъ на собраніе устныхъ памятниковъ его литературы, на ученую разработку его языка. Теперь, когда Казань, но уже въ лицѣ университета, а не духовной академіи, вновь привлекла къ себѣ г. Ильминскаго, начинаютъ являться въ свѣтъ, одинъ за другимъ, плоды этихъ занятій.

Въ подбрской книжкѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія за прошлый годъ отдали мы краткій отчетъ объ издавшемъ г. Ильминскимъ «Самоучителѣ русской грамоты для киргизовъ» — первой книгѣ отъ созданія міра, которая написана на киргизскомъ языкѣ, и должна потому составить эпоху въ его исторіи. Послѣ «Самоучителя» издалъ онъ, въ началѣ нынѣшняго года, киргизскій текстъ народной сказки о богатырѣ Таргинѣ — первое, являющееся въ печати произведеніе киргизской фантазіи. А вотъ лежатъ передъ нами только что вышедшіе на дняхъ изъ типографіи «*Матеріалы къ (для) изученію (я) киргизскаго нарѣчія*» — послѣдній доселѣ трудъ г. Ильминскаго, о которомъ я намѣренъ ми сказать здѣсь нѣсколько словъ.

«Матеріалы» состоятъ изъ двухъ различныхъ частей: изъ записокъ о фонетикѣ и грамматическихкихъ формахъ киргизскаго нарѣчія, и изъ словаря этого нарѣчія. То и другое представляетъ въ области лингвистики явленіе совершенно новое: о языкѣ киргизовъ, какъ записали мы выше, лингвисты до сихъ поръ ничего не знали. По фонетическимъ, этимологическимъ и лексикографическимъ особенностямъ киргизскаго говора, г. Ильминскій признаетъ этотъ говоръ за самостоятельное нарѣчіе тюркскаго корня, принадлежащее къ группѣ сѣверныхъ тюркскихъ діалектовъ. Противъ послѣдняго причисленія ми не возражаемъ, но полагаемъ, что говоръ киргизскій, по значительному числу характеристическихкихъ его свойствъ, и въ особенности по обилію въ словесномъ матеріалѣ, исключительно ему принадлежащемъ, можно почтить именемъ «языка», а не «нарѣчія». Если объ оттоманской отрасли тюркскаго корня, о ногайской его отрасли отъиваемся ми какъ объ отдѣльныхъ языкахъ, именуя ихъ «Турецкимъ» и «Татарскимъ», то съ равнымъ правомъ и киргизская отрасль того же корня можетъ носить имя «киргизскаго языка»; отъ турецкаго и татарскаго онъ отличается, въ главныхъ чертахъ, на столько же, на сколько, напримѣръ, между отраслями славянскаго корня различаются другъ отъ друга языки польскій и чешскій, русскій и сербскій.

Анализъ этимологическаго строя киргизскаго языка открылъ въ немъ г. Ильминскому существованіе формъ, совершенно чуждыхъ другимъ языкамъ тюркскаго юрна; таковы: окончаніе прилагательныхъ на *лау*, дательнаго падежа личныхъ мѣстоименій на *ама*, уменьшительная форма глаголовъ на *имькере*, *имькра*, и такъ далѣе. Въ особенную заслугу автору «Матеріаловъ» должно поставить превосходное объясненіе имъ отгѣнковъ значенія во временахъ глаголовъ, образующихся посредствомъ вспомогательныхъ *туруу*, *жатуу*, *отуруу*, и другихъ, да и вообще статья о спряженіи обнаруживаетъ въ немъ глубокаго знатока дѣла; но верхъ совершенства въ трудѣ г. Ильминскаго, это его неложное фонетика киргизской: тутъ онъ является такимъ проникательнымъ наблюдателемъ, подмѣчаетъ такіе переходы и переливы звуковъ, объясняетъ съ такою ясностію и простотою всѣ совершающіяся въ нихъ измѣненія, что мы готовы стать на колѣни и плакать слезами умиленія. Рѣшаемся, впрочемъ, замѣтить, что г. Ильминскій едва ли основательно отрицаетъ въ киргизскомъ говорѣ существованіе сложнаго звука *дас*, вездѣ замѣняя его чистымъ *ж*. Слова вѣтъ, что *ж* теперь господствуетъ и современемъ, быть можетъ, совсѣмъ вытѣснитъ *дас*, но пока послѣднее еще держится и во многихъ случаяхъ ясно даетъ себя чувствовать: повсюду въ стени слышится въ устахъ киргиза *дасаксы*, *дасаманъ*, *дасуръ*, а не *жаксы*, *жаманъ*, *журъ*. То же, что о *дас*, можно сказать отчасти и о ч, вездѣ у г. Ильминскаго замѣнявшемся звукомъ *ш*.

Переходимъ къ словарю. Г. Ильминскій не имѣлъ ни малѣйшей претензіи дать намъ въ своемъ словарѣ полное собраніе словъ, употребительныхъ въ киргизскомъ языкѣ; это лишь хорошее начало такому собранію, получающее особенную цѣну по интереснымъ этнографическимъ объясненіямъ, сопровождающимъ многія слова, и по обилію фразъ и поговорокъ, цитированныхъ по поводу словъ. Приведемъ въ доказательство, и какъ образчикъ, слова *оюнъ* и *кельмъ*.

«Оюнъ — игра; шутка, слова, сказанія не серьезно (противуположно слову *тымъ*); *оюнъ тоби шимъ болуръ*, *осурукъ тоби бока болуръ*: «шутка иногда ованчивается серьезною неприятностію» (по словица). Киргизскія игры: 1) *сокуръ теке* — родъ жмурокъ; 2) *арка сожманъ* — одинъ ложится въ кругу играющихъ, его бьютъ жгутомъ, а онъ долженъ угадать, кто ударилъ; 3) *урманъ жасырманъ* — одинъ вращаетъ платокъ, а другой долженъ отыскать; не нашедшій

даетъ фавтъ, который выкупасть потомъ сказавши стихи; 4) *колъ тузакъ* — «петля для пальца». Изъ шурка дѣлають петлю, сквозь которую должно достать какую нибудь вещь такъ быстро, чтобъ не успѣли захлестнуть пальца. Попавшійся долженъ сказать нѣсколько куплетовъ; 5) *камъ ойну* — игра, въ которой три дѣйствующихъ лица: ханъ, везиръ и воръ. Везиръ приводитъ вора къ хану и уличаетъ его, а воръ старается оправдаться; ханъ долженъ показать основательность везира и опровергнуть слова вора, который, если не оправдается, наказывается жгутомъ. Сущность этой игры состоить въ находчивости и остроуми.

«Келинъ — сноха; *келиншекъ* — молоденькая женщина. Сноха не должна называть по имени родственниковъ мужа; братьямъ и сестрамъ мужа она даетъ свои имена: *тѳремъ, тыракъ, жаркынъ, ширайтмаъ, бйнетъ*. Если кто нибудь изъ мужниной родни называется именемъ какой либо вещи, то сноха не должна называть эту вещь обычнымъ ей именемъ, а выдумываетъ для нея другое слово, производя его отъ глагола, такъ чтобы это было всѣмъ понятно. Вотъ по этому случаю анекдотъ. У одной только что выпшедшей замужъ женщины мужъ и его братья имѣли имена, въ составъ которыхъ входили слова: *су* — вода, *рѣка*, *камъкъ* — камышь, *кой* — баранъ, и *кашкыр* — волкъ. Однажды волкъ утащилъ барана за рѣку въ камышь; чтобы дать знать объ этомъ, женщина закричала такъ: *жамтраманымъ ары жамында сымдраманымъ бери жамында мантраманымъ улума жебъ атыр*: «по ту сторону блестящаго, по сю сторону качающагося воющее ѣсть блѣющаго». — Если бы работникъ назывался однимъ именемъ съ главнымъ хозяиномъ, то перваго, изъ вѣжливости къ послѣднему, должно кликать другимъ именемъ».

Незнакомые съ языками кочевыхъ народовъ полагають обыкновенно, что словарный запасъ ихъ долженъ быть очень скуденъ; однообразная природа, простота быта, духовная малоразвитость обуславливають, по ихъ мнѣнiю, и количество существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ въ языкѣ степняка. Очень ошибаються думающiе такимъ образомъ. Въ природѣ, его окружающей, въ животныхъ, съ которыми онъ неразлученъ, въ отношенiяхъ своихъ къ нимъ и такъ далѣе, подмѣчаетъ степнякъ особенности, ускользящiя отъ вниманiя челоуѣка цивилизованнаго, и каждая изъ этихъ особенностей рождаетъ цѣлыя группы существительныхъ и глаголовъ, о которыхъ горожанинъ и понятiя не имѣеть. Приведемъ,

для примѣра, разнообразіе словъ касательно лошади и ея движеній у киргизовъ. Лошадь, какъ навѣстный родъ животныхъ, безъ различія пола, называется *жымкы*; жеребецъ — *аймыр*; кобыла, если она еще не жеребилась — *байтамъ*, если она никогда не жеребилась — *бедеу*, кобыла жеребившаяся — *бим*; меринъ вообще — *атъ*, если онъ легченъ на 7-мъ или 8-мъ году, послѣ случки въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ — *азбанъ*; меринъ, нивогда не случавшійся — *ниште*. При этомъ, конь, если онъ боевой, называется *тулпаръ*, если плохой, одранъ — *жабы* или *мастежъ*. Жеребенокъ, какъ только родится, зовется *кулунъ*, онъ же къ первой осени — *жабанъ*, онъ же годовалый — *тай*, двухгодовалый — *куманъ*, трехгодовалый — *донёнъ*, четырехъ или пятилѣтній жеребчикъ, котораго предполагается легчить — *саурюкъ*. Лошадка малорослая — *сюрюкъ*, помѣсь отъ аргамака и киргизской кобылы — *кара-баймыр* или *толмышъ*, крупная и статная киргизская лошадь — *казакъ атъ*. О лошади, когда она, нахвываясь, стоитъ спокойно и сонно, говорится *жуусадъ*; когда она, при вѣдѣ на ней, загибаетъ голову къ низу, или отдергиваетъ ее въ сторону, когда хотятъ взять за узду, говорится *жумкунадъ*; когда она, имѣя на ногахъ путы, приврыгиваетъ — *шабимдъ*; когда она вертитъ хвостомъ при ударѣ ногайкою — *шимагдадъ*; когда она идетъ бокомъ — *кырымдадъ*; когда скачетъ, прыгаетъ, загнувши шею внизъ — *жонкюдъ*; когда вскакиваетъ ногами и головой, беспокоимая насѣкомыми — *бюблѣктедъ*. Лошадь, которая не имѣя ни рыси, ни шагу, подпрыгиваетъ вскачь, называется *шокракъ*; та, которая бьется, когда еще хлещутъ — *жымкыкъ*, и такъ далѣе. Подобныя же группы существительныхъ именъ и глаголовъ созданы киргизами для верблюда, рогатой скотины, овечьей расы. Для осѣдлаго всѣ пески, имъ встрѣчаемые — песокъ и только; киргизъ различаетъ нѣсколько видовъ песчаныхъ мѣстностей: одни пески для него *кумъ*, другіе — *бюльтѣкъ*, третьи — *шаимъ*. Всякая мѣстность, изрытая яминами и покрытая кочками, будетъ для васъ одинаково «кочварникомъ»: киргизъ видитъ въ этомъ кочварникѣ то *атамакъ*, то *адыръ*, то *балкатъ*, то *тѣмте*, и такъ далѣе.

Понятно поэтому, что языкъ кочеваго народа можетъ заключать въ себѣ такое же количество словъ, какъ и языкъ народа осѣдлаго, и что полный словарь какаго нибудь киргизскаго языка требуетъ, для составленія своего, такія же труды многихъ лицъ, какъ, напримѣръ, словарь языковъ датскаго, португальскаго, персидскаго,

хотя труды эти и трудности, съ ними сопряженныя, совершенно иного рода. Г. Ильминскій не Богъ знаетъ сколько лѣтъ работалъ надъ своимъ словаремъ: неудивительно, что въ составъ его не вошло бездны словъ самыхъ употребительныхъ. Перечислимъ нѣкоторыя. По части одежды пропущены, напримѣръ: *камакъ* — высокая, конусообразная, съ загнутыми вверхъ полями, шляпа изъ войлока; *такия* — тибетейка остроконечная; *култара* — большой женскій маляхай; *дамбаль* — штаны; *талбаръ* — шаровары изъ выдѣланной козловой или бараньей кожи; *асаракъ* — родъ кафтана изъ выдѣланной и выкрашенной козловой кожи, обложеннаго кругомъ бухарскою матеріею; *шиикъ* — такой же кафтанъ изъ крашенныхъ овечьихъ; *курте* — стеганный халатъ женскій изъ бумажной матеріи; *амка* — женскій нагрудникъ съ украшеніями. По части утвари и принадлежностей ховляства: *ушакъ* — треножникъ желѣзный; *бакраишъ* — ковшъ желѣзный; *куманъ* — рукобойникъ чугуныи или мѣдный бухарскаго издѣлія; *турсукъ* — мѣхъ для воды и кумыса; *куржукъ* — переметная сума изъ армячины. Изъ царства растеній: *терекъ* — осина; *тураны* — тополь равнолистный; *жамылъ* — гребенщикъ; *сакаулъ* — *Anabasis ammodendron*; *жуғара* — *Sorghum setipum*; *асантакъ* — *Alhagi camelorum*; *жаузуғъ*, *баллишъ*, *эбелекъ*, *кіякъ*, *жусанъ*, и десятки другихъ характеристическихъ произведеній степной флоры. Изъ области обычаевъ: *жиртуу* — обычай рвать одежду умирающаго для облегченія ему agonіи; *жесуу* — вспомошествованіе, слѣдующее потерпѣвшему разоренію со всего благополучно-пробывающаго общества; *кунакъ-асы* — бесплатный обѣдъ или ужинъ, слѣдующій всякому страннику, и такъ далѣе. По этимъ образцамъ, можно видѣть, сколько дѣла еще остается киргизскимъ лексикографамъ.

Не смотря на общую вѣрность въ объясненіяхъ значенія словъ, нѣкоторыя истолкованы г. Ильминскимъ не совсѣмъ точно. Такъ *азбаръ* означаетъ не «хлѣвъ для лошадей», а вообще «вагонъ для скота»; *ашамай* — не «сѣдло для дѣтей», а «коровье сѣдло»; *томъ* — не «кафтанъ изъ бархату», а «шуба, крытая сукномъ съ опушкою изъ выдры, или бухарскою матеріею»; *шала-казакъ* — не «киргизъ, отвыкшій отъ своего быта и языка», а «окиргизившійся инородецъ»; *аякъ-набъ* — не «круглый коробъ, сдѣланный изъ драгичекъ, сверху и снизу укрѣпленныхъ обручами», а вообще всякій «футляръ на фаянсовыя и фарфоровыя чашки, чтобы онѣ не бились дорогою»; *серге* — намордникъ съ рогульками, который навязывается не только

телятамъ, какъ говоритъ г. Ильминскій, но и жеребятѣмъ; и проч. и проч.

Во всякомъ случаѣ «Матеріалы» г. Ильминскаго — трудъ, имѣющій европейское значеніе, который будетъ встрѣченъ съ сочувствіемъ вездѣ, гдѣ умѣютъ цѣнить науку, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трудъ практически-полезный для ознакомленія киргизовъ, какъ съ своимъ собственнымъ, такъ и съ русскимъ языкомъ.

Суданъ Междали Пиралиевъ.

Троицкъ, 10-го апрѣля 1862 года.

Новый атласъ всѣхъ частей свѣта. Издаваемый военно-топографическимъ депо.

Уже годъ почти, какъ вмѣстѣ съ 1-мъ выпускомъ, появилось и объявленіе объ этомъ замѣчательномъ изданіи. Теперь вышелъ второй, а въ сентябрѣ ожидается и третій выпускъ *новаго географическаго атласа*.

Это изданіе, важное во всѣхъ отношеніяхъ, имѣетъ особую важность для большей части читателей нашего журнала.

До сихъ поръ не было еще подобнаго изданія на русскомъ языкѣ; и хотя въ изданіи атласовъ языкъ играетъ роль второстепенную, однакоже, мы думаемъ, пріятнѣе имѣть русскому атласъ, изданный на его родномъ языкѣ, особенно ежели изданіе въ другихъ отношеніяхъ не уступаетъ иностранному. А этимъ можетъ похвастаться настоящее изданіе. По изяществу отдѣлки оно, превосходя лучшія изданія нѣмцевъ (Kiepert, Stieler, Weiland) и англійскія (Sidney-Hall) не уступаетъ и французскимъ (Brueé, Dufour, Andrievau-Goujon); за то превосходить сіи послѣднія по дешевизнѣ.

Атласъ будетъ состоять изъ 30-ти отдѣльныхъ картъ на 53-хъ листахъ, а именно:

1. Меркаторская карта всего земнаго шара, замѣняющая карты полушарій и отдѣльныхъ частей свѣта на 8 лист.

Европа.

2. Карта Европейской Россіи въ масштабѣ 50 верстъ въ дюймѣ, съ кланонами на 6 »